

НОЧЬ ВЪ ВЕНЕЦИ

(Изъ трагедіи Лорда Байрона.)

Я опдохну, я ушомлень :
 Богатство, пышность, блескъ меня лишь ослабили ,
 Но радостей не приносили ,
 Я ими не былъ услаждень .
 На сердца я носилъ болѣзненное бремя !
 И даже въ самое то время ,
 Когда объемяся препещущей рукой ,
 Кружился быспро я съ красавицей моею ,
 Когда встрѣчался взоромъ съ нею ,
 Я даже и тогда терзаемъ былъ шоккой !
 Остановилась кровь и въ жилахъ леденѣла ,
 Холодный, смершннй пошь чело мнѣ наводнялъ ;
 Очаровашельно шамъ музыка гремяла ;
 Но погребальннй гласъ мнѣ сердце раздиралъ ,
 И въ слухъ вливаясь глубоко ,
 Онъ доходилъ ко мнѣ , какъ шумъ морскихъ валовъ ,
 Во шмѣ боровшихся далѣко ,
 Съ ушесами кремнишыхъ береговъ !
 Ахъ ! если-бы на мигъ съ ночью темною ,
 Мнѣ успокоилъ душаю !
 Когда-бъ я получилъ хоша мгновенье сна....
 Ужь мѣсяць на небѣ : какая шишина ,
 Какая сладкая прохлада !
 Уединенье мнѣ ошрада .
 Забуду бальннй шумъ : спокойствія шамъ нѣшь ,
 Ошь лампы и факеловъ шамъ льешся блѣдннй свѣшь
 Во шму пространнхъ переходовъ ;
 Сполны огромные , опоры шажкихъ сводовъ ,

Огнь ослѣпительныхъ искусственныхъ огней
 Въ пожаръ камушся, несносномъ для очей;
 Пріемля громкій смѣхъ за радость
 И въ жертву принося пріятный сонъ ночей,
 Дошолъ рѣзвая, неопышная младость
 Кружншся шамъ среди гостей,
 Пока блеснеть заря — и гаснуція очи,
 И лица блѣдныя у всѣхъ найдешь она!
 Тамъ чаши, полная вина,
 Тамъ музыка гремишь до самой поздеи ночи;
 Тамъ прелесть голубыхъ и пламень черныхъ глазъ,
 Огнемъ превосходя и яхоншь и шопазъ,
 Являюся пышнѣй алмазовъ и рубиновъ,
 И льешся аромашъ огнь розъ и огнь жасминовъ.
 Тамъ руки, бѣлыя, какъ лебедя крыло,
 И груди полныя, какъ волнь лещучихъ пѣна,
 И черный цвѣтъ, какъ цвѣтъ гебена,
 Волось, украсившихъ прелестное чело,
 Во время звучнаго веселья
 Невольню увлекаюшь взоръ;
 Тамъ дорогія ожерелья,
 Сокровища морей и горъ,
 Переливаясь, какъ жаръ въ лучахъ сверкаюшь;
 Но меньше очи ослѣвляюшь,
 Чѣмъ шею бѣлыя, вокругъ конхъ обвились;
 Какъ обманувшія надежды,
 Тамъ шумно мимо насъ клубилась и неслись
 Полупрозрачныя воздушныя одежды.....

А здѣсь—очарованья полнь,
 Я вижу вокругъ себя равнину шумныхъ волнь;
 Брега равнины сей шеряюшся въ шуманъ
 И звѣзды яркія въ безбрежномъ океанѣ

Безчисленно отражены.
 Надъ головой эфиръ лазурный, необъятный,
 И пишина вокругъ и воздухъ ароматный
 Отъ перваго дыханія весмы.
 Здѣсь борется волна съ волною,
 Въ нихъ мѣсяцъ зыблется, дрожитъ
 И, пробѣгая надо мною,
 Громады зданій серебришь.
 О видъ прелестный, несравненный,
 Предъ шмъ, гдѣ факелы во мглахъ,
 И пушкмы свѣтъ лампадъ несутъ отраженный,
 Въ огромномъ зеркальномъ стеклѣ!
 Все тихо. Слышанъ звукъ гитары,
 И подъ окномъ, во шмѣ ночной,
 Поетъ любовникъ молодой.
 Зашворовъ легкіе удары
 Въ его душѣ опозвались,
 И подъ рукою бѣлоснѣжной
 Они пихонько опперлись;
 При видѣ сей руки, столь нѣжной,
 Какъ лучъ сіяющей луны,
 Всѣ чувства въ немъ упоены,
 И сердце въ трепетъ наполнилось поскою!
 Такъ, движась подъ его рукою,
 Трепещешь и звунитъ струна;
 Но давь любви своей свободу,
 Красавица дрожитъ — и какъ она блѣдна!...
 А памъ, весло волнуешь воду,
 И издавая мѣрный плескъ,
 Вездѣ вокругъ себя фосфорный сыплешь блескъ,
 И блѣдный свѣтъ его сливается со свѣтомъ,
 Текущимъ быстро за кормой.

На сводѣ, сумракомъ одѣшомъ,
 Звѣзда сіяешь надъ звѣздой,
 И взрѣдка гребцы своимъ пропяжнымъ гласомъ
 Перекликаяся, превожашъ шишину.
 О ночь! я услажденъ швоимъ прохладнымъ часомъ,
 Свободнѣ дыша, я наконецъ усну. . .

Н. Марксинъ.

—и—и—

КЪ * * * * *

1.

Я швой, я швой, когда огонь воспоба,
 Моря злашишь;
 Я швой, я швой, когда сафирь пошока
 Луна сребришь.

2.

Я зрю шебя, когда въ часъ ушра бродишь
 Туманъ сѣдой;
 Въ глухую ночь, когда пришлецъ находишь
 Пріюшь свяшой.

3.

Ты мпѣ слышна, когда въ рѣкъ игривой
 Журчишь струя;
 Слышна, когда въ дубравѣ молчаливой
 Блуждаю я.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ ОГНЕДЫШУЩИХЪ ГОРАХЪ (*).

Подземные огни, сіи страшные феномены, по вѣсѣмъ отношеніямъ должны бытъ наблюдаемы съ особеннымъ вниманіемъ. Напурзальной философіи предоспавлено завоевать оружіемъ ума сію область, необходимо доспавшуюся на часпъ суевѣріямъ вѣсѣхъ временъ и вѣсѣхъ народовъ. Это одно уже могло-бы побуждать насъ къ самымъ щиппельнымъ и усерднымъ изысканіямъ; но волканы сущъ шакже единое средство къ приобрѣтенію нѣкоторыхъ свѣдѣній о внутренности земнаго шара въ той глубинѣ, какой мы не можемъ доспигать своими работами. Посему, величайшую благодарность заслуживающъ люди, занимающіеся изученіемъ феноменовъ подземныхъ огней, и издающіе въ свѣспъ свои ошкрппія, наблюдения и даже предположенія, какъ скоро сіи послѣднія могутъ

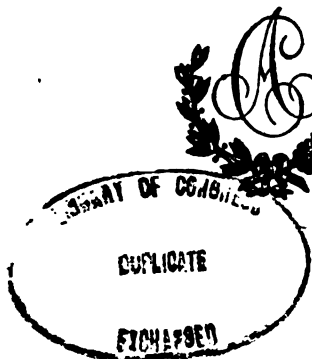
(*) Изъ Англійск. Журнала *Westminster Review*.
Статья сія помѣщена была попомъ въ *Британсколб
Обозрѣніи*. Пер.

МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ
НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть девятнадцатая.

№ 2 Янв.



NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1828.